

© И. Джорджевич

ПОЛИТИКА НА ФУТБОЛЬНОМ ПОЛЕ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ И СПОРТОМ В СЕРБИИ

Ключевые слова: Сербия, бывшая Югославия, футбол, идеология, социализм, постсоциализм

В статье анализируется исторический контекст взаимоотношений спорта и идеологии в Сербии. Автор рассматривает его в разные временные периоды: с середины 1940-х (после окончания Второй мировой войны) до конца 1980-х годов, когда спорт играл большую роль в коммунистической и социалистической идеологии Югославии; в последнее десятилетие XX в., когда в ходе политических событий футбольные болельщики взяли на себя роль носителей националистической идеологии; в новом тысячелетии, характеризующемся активной деятельностью футбольных фанатов, когда после войн 1990-х годов Сербия, по крайней мере номинально, стала государством, разделяющим “европейские ценности”, и закрепила свой статус кандидата на вступление в ЕС. В центре внимания статьи — исторически обусловленная позиция футбольных болельщиков, которые до сих пор являются группой, играющей важную роль в политике. Они действуют одновременно как субъекты неолиберального курса европейской периферии и как хранители “национального духа”, который может быть вновь выпущен из бутылки, если (или когда) это будет необходимо.

В последнее время спорт, в особенности футбол, и его связь со сложными общественными процессами на Балканах и в Сербии — частый предмет исследований множества дисциплин. Внушительное количество книг, статей и публикаций рассматривает спорт с различных точек зрения, пытаясь выявить и определить его роль в исторических событиях, связанных с распадом Югославии.

Действительно, в процессе распада СФРЮ (Социалистическая Федеративная Республика Югославия) футбол оказался значимым символом. Он использовался как своего рода катализатор смещения идеологической парадигмы от идеи “братства и равенства” югославских народов к отдельным этническим национализмам, что подрывало основы послевоенного государства. В конце 1980-х годов футбольные фанаты на территории бывшей Югославии приняли националистическую идеологию и вывели казавшиеся до того невозможными проявления этнической нетерпимости в публичное пространство: неделю за неделей они транслировали послания такого рода на стадионах. Этот процесс достиг кульминации 13 мая 1990 г. на футбольной арене “Максими́р”, когда перед матчем загребского “Динамо” и белградской “Црвени Звезды” произошли массовые столкновения фанатов команд и сотрудников правоохранительных органов (Brentin 2013; Dorđević 2012). Сербские и хорватские болельщики, твердо решившие перейти от вербальной агрессии к физической, противостояли милиции, которая оказалась бессильна предотвратить

Иван Джорджевич | <https://orcid.org/0000-0002-4898-565X> | scedo@eunet.rs | PhD, научный сотрудник | Этнографический институт Сербской академии наук и искусств (ул. Кнеза Михаила 36, 11.000, Београд, Србија)

Этнографическое обозрение. 2019. № 5. С. 34–49. <https://doi.org/10.31857/S086954150007376-3>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

эскалацию конфликта. По сути, сценарий, который развернулся на стадионе столицы Хорватии, символически отобразил будущий финал назревавшего в Югославии кризиса, достигшего кульминации в 1990-е годы в серии военных столкновений в Сербии, Боснии и Герцеговине. Несмотря на то что боевые действия начались лишь спустя год, в массовом сознании и сербов, и хорватов беспорядки на “Максимире” воспринимаются как “день, когда началась война” (*Mihailović* 1997).

Эти беспорядки имели одно важное следствие с точки зрения отношений политики и футбола. С этого момента последний оказался прочно связан с националистической идеологией¹, а болельщики обеих стран стали принимать активное участие в политике, обосновывая свою легитимность “патриотическим капиталом”, возникшим в результате их участия в событиях конца 1980-х — начала 1990-х годов. Однако роль футбольных фанатов в распаде Югославии была далеко не случайной. Как отмечал Джон Хоberman, “спорт может служить... любой идеологии” (*Hoberman* 1993: 16). Это особенно заметно на примере значительного влияния социалистической идеологии на стратегию развития спорта в Югославии после Второй мировой войны. Отношения спорта и идеологии, базирующиеся на обратной связи, часто демонстрировали все противоречия существовавшей политической системы, в которой футбол был площадкой для различных общественных и экономических экспериментов. Эта игра также часто использовалась для создания единой югославской идентичности (*Zec, Paunović* 2015). Естественно, что идеологические трансформации, происходившие в бывшей Югославии, отражались на футболе. В свою очередь, последний представлял собой важную часть общественной жизни, имевшую символическое значение; он был феноменом, который своим массовым характером, популярностью и вседесущностью оказал критическое воздействие на упомянутые процессы или по крайней мере сделал их более заметными.

Цель данной статьи — рассмотреть исторический контекст, в котором в Сербии (и бывшей Югославии) происходило переплетение различных идеологий и который предопределил то особое значение, которое в настоящее время имеет футбол. Через анализ его роли в периоды социализма и постсоциализма я попытаюсь подчеркнуть важность этого социального феномена в преобразовании сербского общества. Особое внимание будет уделено современным примерам: от роли футбола в создании коммунистического “нового человека” через его позицию провозвестника капиталистических отношений в социалистическом обществе к созданию националистического авангарда героев-патриотов. Пройдя эти стадии, футбольные фанаты превратились в значимых общественных акторов; в сегодняшней Сербии они воспринимаются как “блюстители национальных интересов”. Эта трансформация предопределила восприятие современного сербского футбола как некоего сверхидеологического, но при этом несомненно националистического феномена.

От создания “нового человека” к “самоуправлению”

Конец Второй мировой войны подстегнул коренные перемены в политической и общественной системе Югославии. Последние остатки бывшего королевства исчезли с победой партизанских войск во главе с Иосипом Броз Тито, и новой официальной идеологией освобожденной страны стал социализм. Преобразования всего государственного устройства привели к резким изменениям и в области спорта. В какой-то степени новое правительство присвоило наследие и опыт спортивной системы довоенной Югославии², но в основном оно опиралось на идеологическую базу и практические модели, разработанные в СССР (*Riordan* 1999; *Brentin, Zec* 2017: 717). Поэтому бывшие “буржуазные” команды (особенно команды крупных городов, таких как Белград и Загреб) были практически уничтожены, и их место заняли новые (*Wood* 2013). В 1945 г. в Белграде были учреждены два футбольных клуба:

начала, в марте, “Црвена Звезда”, затем, в октябре, “Партизан” — официальный клуб Югославской народной армии (ЮНА). Несмотря на то что обе команды использовали стадионы своих довоенных предшественниц — “Югославии” и “БСК”, они не считали себя их преемницами. В Загребе после окончания Второй мировой войны также был создан новый клуб; предполагается, что патронами “Динамо” стали представители милиции и государственных спецслужб. Единственным заметным исключением оказался сплитский “Хайдук”, руководители и игроки которого активно участвовали в сопротивлении итальянским оккупантам, они стали неофициальными “представителями партизан” и сыграли 20 матчей на освобожденных территориях во время Второй мировой войны (Wood 2013: 5; *Dežulović* 2013).

Главной целью этой системы было символическое установление нового порядка в сфере спорта и недопущение преемственности прежних общественных идеалов и “буржуазной” идентичности. Команды, созданные главными движущими силами социалистической революции — ЮНА и Объединенным союзом антифашистской молодежи Югославии, должны были продвигать ценности, соответствующие новому государственному устройству. Таким образом, согласно советской модели главным вектором развития организованного спорта, включая футбол, была его популяризация как основного занятия в свободное время для социалистической молодежи. Он должен был стать идеальным способом акцентирования внимания на идее примирения, “братства и единства”, а также средством повышения работоспособности людей и обороноспособности государства. Наконец, через участие в международных соревнованиях организованный спорт должен был демонстрировать достижения югославского социализма всему миру. По существу, первый послевоенный период характеризовался прилежным копированием советской модели с целью создания югославского варианта “нового человека” (*Brentin, Zec* 2017: 718; *Mills* 2016).

Однако подобное видение социалистического спорта продержалось недолго. Кризис, последовавший за противостоянием Коммунистической партии Югославии и Коминформа в 1948 г., повлиял на все сегменты югославского общества. Одним из последствий разрыва Тито и Сталина стал отход от советской модели — не только в политике и экономике, но и в других сферах жизни, включая организованный спорт. В результате создание югославской версии социализма привело к отказу от централизованного регулирования спорта и внедрению идеи “самоуправления” в качестве основной рабочей схемы спортивного менеджмента. Однако ее применение на практике предсказуемо не увенчалось успехом — самоокупаемость оказалась нереалистичной даже в случае такой популярной игры, как футбол (ср.: *Brentin, Zec* 2017; *Kovačić* 2016). По этой причине клубы, несмотря на официальную независимость, были тесно связаны с государственными структурами, а часто и с крупными компаниями, которые оказывали им необходимую политическую и экономическую поддержку. Тем не менее переход от централизованной к сравнительно автономной модели спортивного менеджмента привел к изменению статуса игроков: теперь они не были исключительно любителями, а получали заработную плату, как и другие трудящиеся. Эта ранняя стадия профессионализации спорта оказала решающее воздействие на эволюцию футбола в 1960–1970-е годы — годы развитого социализма.

Раскол между Тито и Сталиным не только повлиял на управление организованным спортом, но и придал последнему дополнительное — и весьма важное — идеологическое и политическое значение. Спортивные матчи между Югославией и СССР превратились в нечто большее, чем просто игра, — они стали площадкой для дуэли между “ренегатским” югославским социализмом и его “косной” советской версией. По чистой случайности один из таких матчей пришелся на Олимпийские игры 1952 г. в Хельсинки (Финляндия). Встреча проходила в Тампере и находилась в центре общественного внимания обеих стран. Лидеры государств, Тито и Сталин, отправили своим игрокам телеграммы, где подчеркивалось, что это не просто игра.

Происходящее, скорее, рассматривалось как вопрос наивысшей государственной важности. Сам по себе матч стал одним из наиболее значительных событий в истории футбола: команда СССР проигрывала 5:1, но ей удалось преодолеть этот разрыв и сравнять счет в последние 15 минут, гарантировав таким образом переигровку. Советские СМИ встретили этот результат с энтузиазмом. Однако в повторном матче Югославия одержала победу со счетом 3:1, символически продемонстрировав превосходство своей социалистической модели. Футболистов приветствовали как героев, хотя в финале они проиграли национальной сборной Венгрии. Судьба же советской команды оказалась иной. Московский ЦСКА — армейский клуб, футболисты которого составляли большинство в сборной — был распущен, а игроков лишили всех привилегий, которыми они пользовались до этого (*Goldblatt* 2007: 341; *Andjelić* 2014: 113–114; *Mills* 2016: 1747–1756). Связь спорта и политики продемонстрировала весь свой потенциал: важность первого как инструмента продвижения Югославии за рубежом была подтверждена. Матч и последующие события к тому же показали возможности спорта в сфере создания и укрепления внутреннего единства государства.

Экономическая трансформация футбола — переход из любительского к профессиональному спорту, — произошедшая в 1960–1970-е годы, оказала любопытное воздействие на восприятие национальной команды как символа югославской идентичности. Отметим, что с точки зрения политики футбольная сборная всегда создавалась в “республиканском ключе”: внимание уделялось пропорциональной представленности каждой республики СФРЮ в соответствии с ее размером и “значимостью” (*Đorđević* 2015a: 50). На практике модель “братства и единства” функционировала без особых проблем. Сложность, однако, заключалась в другом.

Чемпионат мира 1974 г. можно рассматривать как яркий пример использования политического влияния для управления спортом. В сборную Югославии вошли футболисты, пользовавшиеся большим уважением в обществе, составлявшие, как считалось, коллектив с прекрасным игровым потенциалом. Команда была по-настоящему “югославской” — как по отбору претендентов, занимавшихся под руководством успешного тренера Миляна Милянича, так и по положительному отношению к принципам самоуправления. Сборная должна была демонстрировать преимущества государственной идеологии СФРЮ (“братства и единства”) и уникальной модели югославского социализма. Команда пользовалась широкой общественной поддержкой, что устанавливало планку ожидаемых достижений очень высоко. На практике, однако, ситуация сложилась совершенно иначе.

Югославская модель спортивного менеджмента запрещала футболистам младше 28 лет выступать за иностранные команды. Тем не менее уже в тот период (несмотря на то что трансферный рынок был значительно менее развит по сравнению с сегодняшним днем) у лучших спортсменов была возможность получать значительные суммы денег и иметь устойчивый доход благодаря выступлениям за границей. Естественно, что этот государственный запрет довольно сильно раздражал футболистов. Хотя игроки находились на привилегированном положении в своей стране и им хорошо платили, они все же, в отличие от других граждан Югославии, были лишены права на временную работу за рубежом.

Подобный архаичный подход к государственному регулированию футбола продемонстрировал свои ограничения в ходе чемпионата мира 1974 г. в Германии. Большая часть игроков югославской сборной приближалась к возрасту, разрешавшему выход на иностранный трансферный рынок, и их надежды отчетливо проявлялись на футбольном поле. Командная игра превратилась в демонстрацию индивидуальных навыков, что привело к разладу в действиях и вылету Югославии из чемпионата на раннем этапе (*Andjelić* 2014: 114–115). До этого момента перспектива выступления за национальную сборную вызывала у спортсменов неподдельный

энтузиазм. Однако возникшие проблемы, главным образом финансовые, негативно повлияли на командный дух. Даже президент СФРЮ Иосип Броз Тито после встречи с игроками заключил: "...было бы хорошей идеей назначить дополнительные выплаты футболистам, выступающим за национальную сборную" (*Wilson 2006: 129*). Югославская сборная, как и югославское общество, еще не была затронута межэтнической напряженностью. Скорее, разногласия возникли на экономической почве, и это ознаменовало грядущий кризис социалистической модели, основанной на принципах самоуправления. Политически и идеологически югославский проект все еще находился в силе; но первые трещины в системе "солидарности по умолчанию" стали заметны на футбольном поле. Сходным образом в 1980-х годах эти же игра и поле стали пространством, в котором впервые проявил себя другой кризис, в основе которого лежал этнический национализм.

Больше не "братья"

Воскресенье 4 мая 1980 г. для хорватского города Сплита должно было стать днем футбола: на стадионе "Полюд" в важном матче чемпионата страны встречались сплитский "Хайдук" и белградская "Црвена Звезда". Однако в пять минут четвертого солнечный день превратился в нечто большее — в этот момент было объявлено о смерти президента Югославии Иосипа Броза Тито. После официального сообщения игроки обеих команд собрались в центре поля, многие из них плакали. Толпа на стадионе начала петь популярную песню про Тито, выражая таким образом свое горе и готовность следовать путем строительства социализма, проложенным покойным лидером³. Однако всего лишь через десять лет, 26 сентября 1990 г., на том же самом месте матч между "Хайдуком" и белградским "Партизаном" продемонстрировал, что произошло за это время с социалистическим наследием Тито. Игра была остановлена из-за нападения болельщиков "Хайдука" на футболистов "Партизана", а кульминацией беспорядков стало сожжение югославского флага на самом высоком флагштоке стадиона "Полюд"⁴.

Схожие зрелища, сопровождаемые ростом межэтнической ненависти, стали к тому моменту привычными для спортивных арен по всей Югославии. Десять лет между смертью любимого президента и символическим сожжением государственного флага в Сплите были отмечены, как утверждает Роджерс Брубейкер, полным замыканием политической сферы в рамках национального государства (*Brubaker 1996: 3*). В 1980-х годах футбольная культура была тесно связана с политическими событиями в СФРЮ, предшествовавшими окончательному распаду государства. Экономический и политический кризис, проявления которого были заметны уже в начале 1980-х годов, лишь усилил существовавшую напряженность между титульными нациями Югославии (*Glenny 1996; Silber, Little 1996; Gagnon 2004*). Футбольные стадионы стали идеальной сценой для эскалации межэтнических конфликтов. Соперничество команд сменилось для их фанатов поиском нового врага, наконец найденного в своих товарищах "по другую сторону границы". Болельщики белградских команд стали открыто "сербскими" как в собственных глазах, так и в восприятии других. То же можно сказать и про сторонников хорватских клубов этого периода. Деятельность и тех, и других четко определялась рамками национального вопроса, а недавно "открытый" этнонационалистический дискурс представлялся идеальным инструментом для продвижения идей новых национальных элит, набиравших силу в некоторых югославских республиках (*Dorđević 2015a; Andjelić 2014; Brentin 2013*). Несмотря на это, межэтнические столкновения по-прежнему оставались на уровне вербальной агрессии. Однако в мае 1990 г. насилие воплотилось в жизнь в ходе уже упомянутых беспорядков на стадионе "Максимир". Столкновение болельщиков белградской "Црвены Звезды", загребского "Динамо" и милиции ознаменовало

новый этап разворачивавшегося в Югославии кризиса. В комментарии к сюжету с места событий телереporter “Радиотелевидения Загреба” (РТЗ) предупредил зрителей, что они видят то, что “вскоре может произойти с каждым из нас, если люди не возьмутся за ум”⁵. Более поздние интерпретации обозначили столкновения в Загребе как “день, когда началась война”. Важность этого события косвенно признала и CNN, в 2011 г. объявив матч на “Максимире” одним из “пяти футбольных матчей, изменивших мир”⁶ (*Đorđević* 2012; *Mills* 2009; *Mihailović* 1997).

Превращение трибун в бастионы сербского, хорватского и других этнических национализмов имело важное значение прежде всего из-за высокого уровня представленности футбола как феномена популярной культуры в публичной сфере. Сотни тысяч людей на стадионах по всей стране участвовали, активно или пассивно, в ритуалах, посвященных чествованию своей нации. В то же время через СМИ миллионы зрителей содействовали дотоле невиданному продвижению “новых” ценностей, подрывавших основы Югославии. Контркультурный характер объединений болельщиков, помимо прочего, способствовал активной апроприации “запретного” контента, а вербальное и физическое насилие, в 1990-е годы уже ставшее привычным для организованных групп фанатов, утвердило агрессию как основной способ коммуникации. Благодаря пониманию того, что потенциально футбол может стать средством для достижения реальных политических и идеологических целей, новые политические элиты Сербии получили случайного, но очень громкоголосого союзника — союзника, с помощью которого они распространяли сюжеты, открыто противопоставленные общепринятой социалистической идеологии. Если смотреть с этой точки зрения, то победа “Црвены Звезды” в Кубке европейских чемпионов была использована для провозглашения команды одним из “столпов сербскости” (*Đorđević* 2016). Проект нациестроительства в Хорватии после объявления ее независимости в 1991 г. также в значительной мере опирался на спорт для продвижения “молодого” государства и нации. Таким образом, место футбола в Югославии периода 1980-х — начала 1990-х годов можно определить словами Эрика Хобсбаума: “...воображаемое сообщество, состоящее из миллионов, кажется более реальным, когда его представляют одиннадцать человек с именами и фамилиями” (*Hobsbawm* 1992: 143).

Однако этнические конфликты между группами болельщиков не были ограничены лишь пространством югославских улиц и стадионов. В начале 1990-х годов многие фанаты сменили символическую войну на настоящую, присоединившись к вооруженным формированиям в Сербии и Хорватии. Некоторые болельщики “Црвены Звезды” записались в так наз. Сербскую добровольческую гвардию, которую возглавил Желько Ражнатович по прозвищу Аркан, позднее обвиненный в военных преступлениях⁷ (*Čolović* 2000). Участие фанатов в боевых действиях на территории бывшей Югославии привело к перманентному захвату футбола политикой и националистической идеологией. Большинство исследователей считают, что этот период стал поворотным моментом в определении отношений между фанатскими группировками и националистическими политическими элитами, и подчеркивают важность футбольной субкультуры для легитимации национализма в Сербии и Хорватии (*Foer* 2004; *Wilson* 2006; *Mills* 2009; *Nielsen* 2010; *Vrcan* 2003). В последующие десятилетия фанаты накопили патриотический капитал (в понимании Бурдьё; *Bourdieu* 1986); благодаря своей символической власти они стали играть роль защитников так наз. национальных интересов и превратились в заметную политическую силу, с мнением которой в 1990-е годы вынуждены были считаться многие.

“Звезда, Сербия, никогда Югославия”

Изменения в государственной политике, произошедшие при режиме Милошевича — особенно когда в середине 1990-х годов была прекращена поддержка сербов

в Хорватии и Боснии, — были восприняты патриотически настроенной публикой, к которой относились футбольные болельщики, как предательство. Взаимосвязь военной политики “малой Югославии”, т.е. Сербии и Черногории, и националистических идей футбольных фанатов постепенно ослабла. На символическом уровне этот разрыв в основном отразился на отношении фанатов к сборной “малой Югославии”. Новое государство, получившее название Союзная Республика Югославия (СРЮ), возникло в результате распада СФРЮ в 1992 г. Оно сохранило прежнюю атрибутику, за исключением пятиконечной звезды на флаге. Эта идеологическая преемственность, воспринимаемая болельщиками как преемственность коммунистического наследия, соответствовала парадигме режима Милошевича, колеблющейся между социалистическими ценностями, официально апроприированными его партией, и фактическим продвижением этнического национализма как основной идеологической схемы Сербии того времени (Jansen 2005: 20–24).

Восприятие государственного гимна СФРЮ “Хеј, Словени!” (“Гей, славяне!”), сохраненного лидерами “малой Югославии”, изменилось в ходе “войны символов” на трибунах стадионов, кульминация которой пришлась на период между 1996 г. и падением режима Милошевича в 2000 г. Отношение болельщиков “Црвени Звезды” к СРЮ и ее государственным символам ярче всего выражалось популярной в то время речевкой: “Звезда, Сербия, никогда Югославия”. Фанатская группировка “Делие” даже официально отказалась поддерживать национальную команду, пока страна называется Югославией и сохраняет прежний герб⁸. Более того, посещавшие матчи сборной болельщики освистывали каждое исполнение гимна, выражая таким образом свое недовольство. Со временем эта форма протеста против *ancien régime* превратилась в действенную тактику бунта против правительственных и политических структур. Освистывание гимна было уже не просто способом выразить “национальные чувства”, оно стало эффективным методом символического противостояния режиму Милошевича, воспринимавшемуся столь же анахроничным, сколь и символика “его” государства (Dorđević 2015a: 119–120). Благодаря подобному присваиванию выразительных средств и коммуникативных приемов к моменту государственного переворота в октябре 2000 г. футбольные фанаты представили собой влиятельную политическую силу.

В то время болельщики были жизненно важным союзником для политической оппозиции, придавая “проевропейскому” блоку столь необходимую легитимность благодаря “патриотическому капиталу”, уже накопленному фанатскими объединениями в предыдущее десятилетие. Вдобавок склонность к насилию, характерная для данной субкультуры, в этих специфических политических обстоятельствах была очень кстати: фанатские группировки взяли на себя роль “разящего кулака”, противодействующего репрессивному государственному аппарату. Собственно на тот момент футбольные болельщики были единственной группой, готовой к физическому столкновению с правоохранительными органами. Ярким примером подобного столкновения, имевшего большое символическое значение, стали беспорядки во время квалификационного матча Лиги чемпионов 27 июля 2000 г., когда “Црвена Звезда” встречалась с кутаисским “Торпедо” на своем стадионе в Белграде. Игра была отмечена массовой дракой фанатов сербской команды и представителей правоохранительных органов, поводом для которой стали действия полиции во время первого в истории исполнения речевки “Спаси Србију и уби се, Слободане” (“Спаси Сербию — убей себя, Слободан”) северной трибуной. Беспорядки на стадионе стали началом открытой войны болельщиков “Црвени Звезды” с режимом Милошевича, а вышеупомянутая речевка превратилась в неофициальный гимн протестов против государственной системы, результатом которых стала “революция” 5 октября 2000 г. Футбольные фанаты сыграли важную роль в акциях, последовавших за попыткой властей сфабриковать результаты парламентских выборов, что привело

к свержению Милошевича. Нарратив о болельщиках “на передовой” бунта быстро приобрел мифологические черты. Всего через два месяца, в декабре 2000 г., ведущий оппозиционный радиоканал В92 наградил фанатов “Црвены Звезды” за их вклад в “революцию”; церемония прошла в Культурном центре REX в Белграде. Болельщики были названы “героями демократии”, о них говорили, что это «парни, которые десять лет боролись с режимом, бились с милицией, пока остальные спали в своих постелях. Они — “Делие”»⁹.

Политический капитал футбольных болельщиков, накопленный ими ко времени распада СФРЮ, был ревалоризирован и увеличен. Теперь они воспринимались не как герои-патриоты, но как герои демократической революции. Однако суть и характер фанатской культуры остались прежними. В представлении болельщиков вина Милошевича была не в том, что он принимал участие в войне, а в том, что он проиграл ее. Приняв эту субкультурную группу, новый “роевропейский” и “демократический” режим обновил кредит политического доверия футбольным фанатам, все также основанный на их “звании патриотов”. После так наз. демократического поворота болельщики по-прежнему были значимой политической силой, а стадионы в первом десятилетии 2000-х годов оставались одной из главных политических арен.

Однако этот альянс вскоре распался. Свержение Милошевича привело к серьезным изменениям существующей политической парадигмы. Новое правительство выбрало путь так наз. евроинтеграции, продвигая ценности либеральной демократии и рыночной экономики как залог желанного вхождения в ЕС. Эта повестка дня не совпала с идеями, разделяемыми фанатскими группировками: последние оставались приверженцами правой части политического спектра, а энтузиазм, с которым фанаты выкрикивали с трибун политические послания и речевки, несколько не уменьшился с 90-х годов XX в. “Правый” настрой выражался в лозунгах типа “Косово — это Сербия”, что было ясным сигналом для новой власти о том, что болельщики оставались блюстителями “национального вопроса”. Новое тысячелетие породило новый фанатский фольклор — кричалки, полные этнической ненависти и гомофобии, такие как “Убиј Хрвата” (“Убей хорвата”), “Убиј, закољи, да Шиптар не постоји” (“Убей, заколи, чтобы не осталось ни одного шиптара¹⁰”), “Нож, жица, Сребреница” (“Нож, колючая проволока, Сребреница”¹¹) или “Убиј педера” (“Убей п*дора”). Исполнение этого репертуара сопровождалось открытым выражением поддержки Ратко Младичу и Радовану Караджичу — лидерам боснийских сербов, обвиненным в военных преступлениях.

Лучший пример политического влияния, которым в этот период обладали футбольные болельщики, — безуспешность попыток организовать прайд-парад в Белграде для отстаивания прав представителей ЛГБТ-сообщества (*Dorđević* 2015b). Первые попытки его проведения предпринимались уже в начале 2000-х годов в рамках продвижения “европейских ценностей”. Однако сербские политические элиты не настроены были поддерживать прайд-парад в первую очередь потому, что хотели избежать прямой конфронтации со все еще влиятельными консервативными силами (*Greenberg* 2006; *Mikuš* 2011). И вновь футбольные болельщики стали “разящим кулаком”, который должен был помешать организации нежелательного мероприятия. Помимо выкриков на трибунах (“Педер градом неће шетати!” — “П*дор не будет гулять по городу!”, “Убиј педера” — “Убей п*дора”) и граффити на городских стенах фанатские группировки использовали физическое насилие (*Pavasović Trost, Kovacević* 2013) и успешно сорвали проведение акции. Как отметил Кристиан А. Нильсен, таким образом, объединения болельщиков стали “сильнее государства” (*Nielsen* 2013). Общественное мнение воспринимало фанатов по меньшей мере двояко. С одной стороны, из-за действий против прайд-парада они приобрели дурную славу “буйных хулиганов” и “врагов государства”. Но, с другой стороны, определенная часть общества считала их поведение оправданным. Открытые выступления против

продвижения прав ЛГБТ-сообщества, соответствующие повестке “правого” консервативного крыла, увеличивали капитал футбольных болельщиков в глазах сторонников этой части политического спектра. Для них фанаты были “настоящими патриотами”, “нашими сербскими сынами”, которые защищали “истинные” и “традиционные” ценности.

Важно отметить, что при этом сами футбольные болельщики, несмотря на явную политизированность продвигаемых ими идей и свое общественное влияние, определяют себя как однозначно аполитичных. Примером может служить интервью лидера группировки фанатов “Црвены Звезды” журналу Сербской православной церкви “Pravoslavljje”: “Когда все это началось, наши старшие друзья отправились на войну, и мы в возрасте 18–19 лет взяли на себя ответственность за трибуны, а национализм достался нам в наследство. <...> Мы не интересуемся политикой; у каждого из нас свое собственное частное мнение по поводу выборов. Нам удалось остаться аполитичными, потому что слишком многие пытались перетянуть нас на свою сторону. В этом мы едины; сербство для нас — превыше всего” (Pravoslavljje 2008). Из этой цитаты очевидно, что аполитичность футбольных болельщиков в действительности основана на идеологии, базирующейся прежде всего на разделяемом ими националистическом дискурсе (Đorđević, Pekić 2018). Тот факт, что интервью было опубликовано официальным изданием Сербской православной церкви, говорит также о важности православия в формировании этой идеологии. Многие фанаты считают себя глубоко религиозными, и очень часто на трибунах можно видеть лозунги, приправленные православной символикой. О значении и влиятельности этого специфического союза религии и фанатов можно судить по инициативе болельщиков “Црвены Звезды” бойкотировать все матчи, играющиеся в Пасхальное воскресенье. Один из предводителей фанатской группировки объяснил это следующим образом: «Эта идея возникла, когда мы хотели привлечь внимание к “сербскости”, которая очень важна для нас на трибунах. И все мы знаем, что сербство не может достичь той значимости, к которой мы стремимся, без православия»¹².

Здесь снова на первый план выходит устоявшаяся еще в 1990-х годах схема, в которой национальная идентичность тесно переплетена с религиозной (Malešević 2005, 2006; Čolović 2012). К тому же интеграция православной идентичности в сложносоставную идентичность болельщика подразумевает, что унаследованное футбольными фанатами “сербство”, подобно Сербской православной церкви, представляет собой некую сверхидеологию, возвышающуюся над обыденной идеологией и политикой. Таким образом болельщики (само)определяются как истинные хранители нации, защитники той модели желательного поведения, которая присуща огромной и очень разнородной группе людей, чувствующих себя фанатами “Црвены Звезды” или репрезентирующих себя как таковых.

Присвоение позиции “сторожевого пса” фактически означает создание “противополитической машины” (Ferguson 1990) через активный поиск способов деполитизации пространства. Это уменьшает возможность появления альтернативной идеологии и в то же время устанавливает “нормальность аполитичности”, которая сама по себе высокополитизирована. Данную стратегию можно назвать эксплуатацией очень специфического состояния сербского общества после падения режима Милошевича в 2000 г. В этот период Сербия, как и другие страны Восточной Европы, попыталась применить на практике принципы рыночной экономики и либеральной демократии. Процесс так наз. перехода (Mikuš 2013) продолжается до сих пор, превратившись в своего рода самосбывающееся пророчество, “вращающееся вокруг следующих сюжетов: колебания между либерализацией и авторитаризмом; сложные взаимоотношения государства, организованной преступности и экономики; коррупция... региональное сотрудничество или конфликты, удачи или неудачи в процессе вступления в ЕС” (Stišk, Horvat 2015: 1). Общее разочарование

результатами переходного периода, в первую очередь из-за несбывшихся надежд на экономическое процветание, способствовало “пониманию демократических систем как элитистских, коррумпированных, сомнительных с моральной точки зрения и приводящих к несправедливости” (Greenberg 2010: 48). Следствием этого стало недостаточное участие граждан в политическом процессе или намеренный отказ от него. «Неучастие в политике как “богатом наборе моральных, политических и культурных обязательств”» (Ibid.: 43) стало легитимной социальной позицией, которая поддерживается сегодняшней идеологией футбольных болельщиков: члены фанатских объединений откazyваются принимать участие в политическом процессе, считая его насковзь прогнывающим. В этом случае их позиция подается как отход от коррумпированной политики, как набор “высших” ценностей. “Сербскость” и “православие” мыслятся ими превьше всех других идеологических установок. Таким образом они открыто отрицают официально провозглашаемый “европейский путь” Сербии, предлагая в качестве альтернативы моральную позицию, основанную на обобщающем нарративе, который не оставляет места для иной интерпретации.

Взаимозависимость футбола и националистической идеологии можно видеть на примере обстоятельств, окружавших матч сборных Сербии и Албании в октябре 2014 г. в Белграде. Для публики он был прежде всего омрачен напряжением из-за неопределенного статуса Косово; масла в огонь подливал и тот факт, что в Косове родились большинство игроков албанской сборной. Несмотря на старания обеспечить высокий уровень безопасности и запрет на посещение матча фанатами Албании, первые инциденты возникли вскоре после начала игры. Перед самым концом первого тайма, прошедшего в атмосфере скорее политического митинга, нежели спортивного мероприятия¹³, над стадионом пролетел дрон с флагом так наз. Великой Албании¹⁴. Эта символическая “бомба”, пронесенная дроном, “взорвала” не только стадион — радиус ее действия оказался значительно шире. Вспышка враждебности в СМИ и социальных сетях привела к мобилизации общества против заклятого врага — албанцев. При этом речь шла не только о крайне предвзятой риторике: в последующие дни патриотично настроенные “мстители” защитили погранное “сербство” от угроз в виде магазинов, владельцами которых были албанцы (Đorđević 2015a: 13–17).

Этот всплеск этнической ненависти и насилия, как вербального, так и физического, еще раз продемонстрировал способность футбольных стадионов мобилизовать население в случае “угрозы нации”. Реификация “приемлемого национализма” и его постоянное воспроизведение, выражающееся одновременно в продвижении представления об “идеальном сербе” и в постоянном определении чуждого “Другого” (хорвата, албанца, ЕС, гомосексуала), трансформировали футбольные поля Сербии в резервуары национализма, из которых политические элиты могут черпать силы в случае необходимости. Болельщики превратились в “профессиональных патриотов”, этнополитических предпринимателей, как выразился Брубейкер (Brubaker 2004: 10). Благодаря “званию патриотов” они всегда могут предложить свои услуги на “рынке национальных товаров” — ведь фанаты уже не раз доказали готовность мобилизовать свои силы и выйти на авансцену сложных социальных и политических процессов постпереходной Сербии. Деятельность футбольных болельщиков тесно связана с текущими интересами политических элит, чья цель — сохранять эту игру политизированной как можно дольше.

* * *

В последние 80 лет развитие футбола в Сербии определялось не только трансформацией самой игры, существенное влияние на него оказывал более широкий

общественный и политический контекст. Различные доминирующие идеологии этого периода воздействовали на способы восприятия футбола политическими элитами и “обычными” фанатами. Так, после окончания Второй мировой войны целью футбола провозглашалось создание “нового социалистического человека”. В фокусе внимания находились обучающая роль игры и ее важность для восстановления послевоенной Югославии. Разрыв с СССР и частичный отказ от советской модели привели к переосмыслению основанного на идеале самоуправления футбола как столпа социалистической системы Югославии. Тогда же растущее напряжение между СФРЮ и странами Варшавского договора, прежде всего СССР, выдвинуло на первый план важность спорта как символического ресурса в идеологической борьбе. Однако внутренние социальные и экономические противоречия югославской системы привели к кризису, который повлиял и на футбол. Кульминации эти процессы достигли в 1980-е годы, когда стадионы превратились в символические локусы межэтнических схваток, являвшихся лишь предвестниками событий, приведших к окончательному распаду Югославии.

С точки зрения символики песнь-присяга Тито и его Югославии, звучавшая на сплитском “Полюде”, и сожжение флага страны на том же месте всего лишь десять лет спустя являются иллюстрацией к процессу распада государства. Вдобавок эти два события подчеркивают важность роли стадионов в распространении действенных политических сообщений, которые транслировались миллионам граждан бывшей СФРЮ благодаря телевидению. Идеология национализма, популярная в конце 1980-х годов, стала ключом к пониманию процессов, происходящих вплоть до сегодняшнего дня в футболе.

Сравнив футбол социалистического и постсоциалистического периодов (символическим началом последнего были беспорядки на загребском “Максимире” в мае 1990 г.), можно сделать вывод, что распад Югославии оказал значительное воздействие на этот вид спорта. Несмотря на то что “социалистический футбол” находился под сильным влиянием идеологии, можно утверждать, что в то время в фокусе внимания прежде всего была сама игра, главными действующими лицами — футболисты, а достигнутые ими результаты — точкой, вокруг которой формировались интересы как широкой публики, так и управляющей спортом верхушки. Однако с началом распада Югославии, когда восторжествовали националистически настроенные политические элиты, фокус сместился от игры к новой группе акторов — к болельщикам. Их действия стали важнее достижений футболистов, а их общественное влияние распространилось значительно шире спортивной сферы. На сегодняшний день ситуация практически не изменилась: фанаты по-прежнему остаются главными акторами сербского футбола. Их действия, тесно связанные с нерешенной проблемой Косово, вопросом вступления в ЕС или прайд-парадом, получают широкую огласку и воспринимаются обществом как социально и политически релевантные.

Этот коренной поворот в восприятии игры в то же время служит иллюстрацией к процессу и результатам так наз. переходного периода. Спорт определяется рамками Сербии как государства европейской “полупериферии” (Hughson 2015; Đorđević 2012: 444). Если рассматривать “полупериферию” как “систему общественных установок, которые связаны с местонахождением и территориальностью, влияющими на основу их функционирования” (Hughson 2015: 26), то сербский футбол может быть понят через призму структурной экономической зависимости местного рынка от “центральных” государств, в нашем случае расположенных в Западной Европе. При подобном разделении власти на рынке футбола сербским командам отводится роль подготовки “сырья”, т.е. игроков, которые после нескольких матчей уезжают в более богатые страны, прежде всего Западной Европы. В этих обстоятельствах качество игры остается довольно низким, а главной задачей менеджмента команд становится успешная продажа молодых игроков, чьи имена публика даже не пытается

запомнить. Футбол в современной Сербии обречен на существование в переплетении неолиберальной политики и идеологии национализма и постоянное воспроизводство статус-кво, при котором главные акторы находятся не на поле, а на трибунах, а сама игра практически не имеет значения. Эталон “британской модели”, когда матчи посещаются родителями с детьми, упоминается при каждом обсуждении проблем сербского футбола (*Đorđević* 2012); в основе этого лежит “стремление к космополитизму” (*Simić* 2014). Последнее представляет собой имплицитную политическую установку, в идеальных условиях считающуюся конечной целью “цивилизованного” общества — общества, к которому стремятся все постсоциалистические страны, включая Сербию. Подобная позиция, когда эталоном становится государства “центра” (см.: *Spasić* 2011: 278), занятая сознательно или бессознательно, в основном используется для оправдания трудностей, возникающих в процессе достижения этой цели. Однако на практике рабочая модель британского футбола структурно неприменима в сербском обществе. Вышеописанное положение поддерживается в нем за счет того, что торговля полуфабрикатами представляется лишь промежуточной стадией на дороге к успеху, хотя в действительности является структурной необходимостью. Мечта о космополитизме остается на одной стороне политического спектра, в то время как на другой буйным цветом цветет фанатский национализм. По сути, это две стороны одной медали, обеспечивающие постоянное воспроизведение “вечного переходного периода”.

Примечания

¹ Националистическая идеология прослеживалась в югославском спорте и в период социализма (*Zec, Paunović* 2015), но она не была столь вездесущей, как в конце 1980-х — начале 1990-х годов.

² Подобная апроприация оказалась возможна прежде всего потому, что многие спортивные общества Югославии до Второй мировой войны были центрами рабочего движения, тесно связанными с Коммунистической партией. Таким образом, отношения социалистического правительства и спорта уже имели определенную историю.

³ См. видео: <https://www.youtube.com/watch?v=gyG7CzJbFHI> (дата обращения: 28.04.2018).

⁴ См. видео: <https://www.youtube.com/watch?v=oJSrjckW-js> (дата обращения: 28.04.2018).

⁵ См. видео: <https://www.youtube.com/watch?v=En6wViD1jtY&t=6s> (дата обращения: 26.04.2018).

⁶ См.: <http://edition.cnn.com/2011/SPORT/football/01/05/iraq.asia.six.games/index.html> (дата обращения: 05.05.2018).

⁷ Ражнатович был одним из лидеров болельщиков “Црвены Звезды” в конце 1980-х годов. По свидетельствам современников, он сыграл важную роль в объединении разнородных групп на трибунах в сплоченную фанатскую группировку “Делие” (*Đorđević* 2015a: 98–99). В этот период именно “Делие” была носительницей идеи сербского национализма.

⁸ См.: <http://www.oaza.rs/sport/delije/prica> (дата обращения: 24.04.2018).

⁹ Согласно *Gvozdenović S. Licemerje i neprofesionalnost medija “Druge Srbije” // Nova srpska politička misao. 15.10.2010. http://www.nspm.rs/komentar-dana/licemerje-i-neprofesionalnost-medija-druge-srbije.html?alphabet=1*

¹⁰ *Шинтары* — пренебрежительное название албанцев. — *Прим. пер.*

¹¹ Намек на резню в Сребренице — массовое убийство боснийских мусульман боснийскими сербами в июле 1995 г., когда около 8 тыс. мирных жителей, в основном мужчин и мальчиков, были расстреляны солдатами Армии Республики Сербской под командованием Ратко Младича. — *Прим. пер.*

¹² *Voda Delija Vladimir Šavija objasnio kako je rođena ideja da se bojkotuju utakmice za Veliku subotu i Uskrš (VIDEO) // Daily Newspaper “Telegraf”. 09.04.2018. http://www.telegraf.rs/sport/navijaci/2949537-vodja-delija-vladimir-savija-objasnio-kako-je-rodjena-ideja-da-se-bojkotuju-utakmice-za-veliku-subotu-i-uskrš-video* (дата обращения: 10.05.2018).

¹³ Выступления болельщиков на трибунах в основном были посвящены статусу Косово или представляли собой умелые оскорбления албанцев.

¹⁴ Великая Албания — идея воссоединения “исконно албанских территорий”, куда помимо собственно Албании включаются Косово, части Сербии, Черногории, Македонии и Греции. — *Прим. пер.*

Пер. с англ. И.А. Кучеровой

Благодарности

Перевод статьи выполнен при финансовой поддержке Российского научного фонда, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 15-18-00099П].

Источники и материалы

Čolović 2012 — Čolović I. Navijači — huligani i novi fašizam. <https://pescanik.net/navijaci-huligani-i-novi-fasizam>
 Dežulović 2013 — Dežulović B. Ostavite Hajduk na miru! Eno vam HAŠK i Građanski, pa s njima igrajte Pavelićevu ligu i vičite ‘Ajmo, ustaše! // Jutarnji list. 30.11.2013.
 Pravoslavlje 2008 — Pravoslavlje, 15.10.2008.

Научная литература

- Andjelić N. The Rise and Fall of Yugoslavia: Politics and Football in the Service of the Nation(s) // Südosteuropa. 2014. No. 62 (2). P. 99–125.
 Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. J. Richardson. N.Y.: Greenwood, 1986. P. 241–258.
 Brentin D. “A Lofty Battle for the Nation”: The Social Roles of Sport in Tudjman’s Croatia // Sport in Society: Cultures, Commerce, Media, Politics. 2013. No. 16 (8). P. 993–1008.
 Brentin D., Zec D. From the Concept of the Communist “New Man” to Nationalist Hooliganism: Research Perspectives on Sport in Socialist Yugoslavia // International Journal of the History of Sport. 2017. No. 34 (9). P. 713–728. <https://doi.org/10.1080/09523367.2017.1413871>
 Brubaker R. Nationalism Reframed Nationhood and the National Question in the New Europe. N.Y.: Cambridge University Press, 1996.
 Brubaker R. Ethnicity without Groups. N.Y.: Harvard University Press, 2004.
 Čolović I. Politika simbola. Beograd: Biblioteka XX vek, 2000.
 Đorđević I. Twenty Years Later: The War Did (Not) Begin at Maksimir: An Anthropological Analysis of the Media Narratives about a Never Ended Football Game // Glasnik Etnografskog Instituta SANU. 2012. Vol. 60 (2). P. 201–216.
 Đorđević I. Antropolog među navijačima. Beograd: XX vek, 2015a.
 Đorđević I. Između ponosa i srama. Antropološka analiza narativa o “Paradi ponosa” u savremenoj Srbiji // Glasnik Etnografskog instituta SANU. 2015b. Vol. 68 (2). P. 351–366.
 Đorđević I. The Role of Red Star Football Club in the Construction of Serbian National Identity // Traditiones. 2016. No. 45 (1). P. 117–132.
 Djordjević I., Pekić R. Is There Space for the Left? Football Fans and Political Positioning in Serbia // Soccer and Society. 2018. No. 19 (3). P. 355–372.
 Ferguson J. The Anti-Politics Machine: “Development”, Depoliticization and Bureaucratic Power in Lesotho. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
 Foer F. How Soccer Explains the World: An Unlikely Theory of Globalization. N.Y.: HarperCollins, 2004.
 Gagnon V.P. The Myth of Ethnic War: Serbia and Croatia in the 1990s. Ithaca: Cornell University Press, 2004.
 Glenny M. The Fall of Yugoslavia: The Third Balkan War. L.: Penguin, 1996.
 Goldblatt D. The Ball Is Round: A Global History of Football. N.Y.: Riverhead Books, 2007.
 Greenberg J. Nationalism, Masculinity, and Multicultural Citizenship in Serbia // Nationalities Papers. 2006. No. 34 (3). P. 321–341.
 Greenberg J. “There’s Nothing Anyone Can Do about It”: Participation, Apathy and “Successful” Democratic Transition in Postsocialist Serbia // Slavic Review. 2010. No. 69 (1). P. 41–64.
 Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

- Hoberman J.* Sport and Ideology in the Post-Communist Age // *The Changing Politics of Sport* / Ed. A. Lincoln. Manchester: Manchester University Press, 1993. P. 15–36.
- Hughson M.* Otkrivanje očiglednog? Zašto je potrebna teorija poluperiferijalnosti? // *Kriminal i društvo Srbije: izazovi društvene dezintegracije, društvene regulacije i očuvanja životne sredine* / Ed. M. Hughson, Z. Stevanović. Beograd: Institut za kriminološka i sociološka istraživanja, 2015. P. 17–34.
- Jansen S.* Antinacionalizam: Etnografija otpora u Beogradu i Zagrebu. Beograd: Biblioteka XX vek, 2005.
- Kovačić D.* Nogometni profesionalci u udruženom radu // *Časopis za suvremenu povijest*. 2016. Vol. 48 (1). P. 67–95.
- Malešević M.* The Introduction of Religion to State Schools in Serbia and “Orthodox(is)ing” the Identity of Serbian Youth // *Ethnologia Balkanica. Journal for Southeast European Anthropology* (Sofia, Munich). 2005. Vol. 9. P. 225–239.
- Malešević M.* Pravoslavlje kao srž “nacionalnog bića” postkomunističke Srbije // *Svakodnevna kultura u postsocijalističkom periodu u Srbiji i Bugarskoj* / Ed. Z. Divac. Beograd: Etnografski institut SANU, 2006. P. 99–121.
- Mihailović S.* Rat je počeo 13. maja 1990 // *Rat je počeo na Maksimiru* / Ed. S. Slapšak, H. Štajner. Beograd: Medija centar, 1997. P. 77–124.
- Mikuš M.* “State Pride”: Politics of LGBT Rights and Democratisation in “European Serbia” // *East European Politics and Societies*. 2011. No. 25 (4). P. 704–719.
- Mikuš M.* “European Serbia” and its “Civil” Discontents: Beyond Liberal Narratives of Modernisation” // *Centre for Southeast European Studies. Working Paper Series 7*. Graz: University of Graz, 2013.
- Mills R.* “It All Ended in an Unsporting Way”: Serbian Football and the Disintegration of Yugoslavia, 1989–2006 // *International Journal of the History of Sport*. 2009. No. 26 (9). P. 1187–1217.
- Mills R.* Cold War Football: Soviet Defence and Yugoslav Attack following the Tito–Stalin Split of 1948 // *Europe — Asia Studies*. 2016. No. 68 (10). P. 1737–1741.
- Nielsen C.A.* The Goalposts of Transition: Football as a Metaphor for Serbia’s Long Journey to the Rule of Law // *Nationalities Papers*. 2010. No. 38 (1). P. 87–103.
- Nielsen C.A.* Stronger than the State? Football Hooliganism, Political Extremism and the Gay Pride Parades in Serbia // *Sport in Society*. 2013. No. 16 (8). P. 1038–1053.
- Pavasovic Trost T., Kovacevic N.* Football, Hooliganism and Nationalism: The Reaction to Serbia’s Gay Parade in Reader Commentary Online // *Sport in Society*. 2013. No. 16 (8). P. 1054–1076.
- Riordan J.* The Impact of Communism on Sport // *The International Politics of Sport in the 20th Century* / Ed. J. Riordan, A. Kruger. L.; N.Y.: E & FN Spon; Routledge, 1999. P. 48–66.
- Simić M.* Kosmopolitiska čežnja: etnografija srpskog postsocijalizma. Beograd: Centar za Studije kulture Fakulteta političkih nauka i Čigoja, 2014.
- Silber L., Little A.* The Death of Yugoslavia. L.: Penguin, 1996.
- Spasić I.* Cosmopolitanism as Discourse and Performance: A View from the Semiperiphery // *Revija za sociologiju*. 2011. Vol. 41 (3). P. 269–290.
- Štikš I., Horvat S.* Welcome to the Desert of Post-Socialism Radical Politics after Yugoslavia. L.: Verso, 2015.
- Vrcan S.* Nogomet — politika — nasilje: ogledi iz sociologije nogometa. Zagreb: Naklada Jesenski i Turk, 2003.
- Wilson J.* Behind the Curtain: Football in Eastern Europe: Travels in Eastern European Football. L.: Orion, 2006.
- Wood S.* Football after Yugoslavia: Conflict, Reconciliation and the Regional Football League Debate // *Sport in Society*. 2013. No. 16 (8). P. 1077–1090.
- Zec D., Paunović M.* Football’s Positive Influence on Integration in Diverse Societies: The Case Study of Yugoslavia // *Soccer and Society*. 2015. No. 16 (2–3). P. 236–237.

Research Article

Dorđević, I. Politics on the Football Field: An Overview of the Relationship between Ideology and Sport in Serbia [Politika na futbol’nom pole: vzaimootnosheniia mezhdu ideologiei i sportom v Serbii].

Etnograficheskoe obozrenie, 2019, no. 5, pp. 34–49. <https://doi.org/10.31857/S086954150007376-3>
ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Ivan Đorđević | <https://orcid.org/0000-0002-4898-565X> | scedo@eunet.rs | Institute of Ethnography SASA (Knez Mihailova 36, 11000, Belgrade, Serbia)

Keywords

Serbia, former Yugoslavia, football, ideology, socialism, postsocialism

Abstract

This paper focuses on the historical context of the interrelation of sports and ideology in Serbia. Firstly, it focuses on the period between the end of WWII and the end of the 1980s, as well as on the part that sports played in the communist and socialist ideology in Yugoslavia. Secondly, it demonstrates the ways in which football fans assumed the role of the carriers of nationalistic ideology in the political occurrences of the final decade of the twentieth century. The third segment of the paper brings into focus the activities of football fans in the new millennium when, after the wars of the 1990s, Serbia, at least nominally, became a state that internalizes “European values”, and ensured its position of an EU-acceding country. The central argument of the paper refers to the historically conditioned positioning of football fans that, as a group, still hold the role of an important political actor. They simultaneously act as subjects of the neo-liberal politics of the European periphery and keepers of the “national spirit”, which can be let out of the bottle again, if and when needed.

References

- Andjelić, N. 2014. The Rise and Fall of Yugoslavia: Politics and Football in the Service of the Nation(s). *Südosteuropa* 62 (2): 99–125.
- Bourdieu, P. 1986. The Forms of Capital. In *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, edited by J. Richardson, 241–258. New York: Greenwood.
- Brentin, D. 2013. “A Lofty Battle for the Nation”: The Social Roles of Sport in Tudjman’s Croatia. *Sport in Society: Cultures, Commerce, Media, Politics* 16 (8): 993–1008.
- Brentin, D., and D. Zec. 2017. From the Concept of the Communist “New Man” to Nationalist Hooliganism: Research Perspectives on Sport in Socialist Yugoslavia. *International Journal of the History of Sport* 34 (9): 713–728. <https://doi.org/10.1080/09523367.2017.1413871>
- Brubaker, R. 1996. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. New York: Cambridge University Press.
- Brubaker, R. 2004. *Ethnicity without Groups*. New York: Harvard University Press.
- Čolović, I. 2000. *Politika simbola* [Politics of the Symbol]. Beograd: Biblioteka XX vek.
- Đorđević, I. 2012. Twenty Years Later: The War Did (Not) Begin at Maksimir: An Anthropological Analysis of the Media Narratives about a Never Ended Football Game. *Glasnik Etnografskog Instituta SANU* 60 (2): 201–216.
- Đorđević, I. 2015. *Antropolog među navijačima* [An Anthropologist among the Fans]. Beograd: XX vek.
- Đorđević, I. 2015. Između ponosa i srama. Antropološka analiza narativa o “Paradi ponosa” u savremenoj Srbiji [Between Pride and Shame: Anthropological Analysis of Narratives about the “Parade of Pride” in Modern Serbia]. *Glasnik Etnografskog instituta SANU* 68 (2): 351–366.
- Đorđević, I. 2016. The Role of Red Star Football Club in the Construction of Serbian National Identity. *Traditiones* 45 (1): 117–132.
- Djordjević, I., and R. Pekić. 2018. Is There Space for the Left? Football Fans and Political Positioning in Serbia. *Soccer and Society* 19 (3): 355–372.
- Ferguson, J. 1990. *The Anti-Politics Machine: “Development”, Depoliticization and Bureaucratic Power in Lesotho*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Foer, F. 2004. *How Soccer Explains the World: An Unlikely Theory of Globalization*. New York: Harper Collins.
- Gagnon, V.P. 2004. *The Myth of Ethnic War: Serbia and Croatia in the 1990s*. Ithaca: Cornell University Press.
- Glenny, M. 1996. *The Fall of Yugoslavia: The Third Balkan War*. London: Penguin.
- Goldblatt, D. 2007. *The Ball Is Round: A Global History of Football*. New York: Riverhead Books.
- Greenberg, J. 2006. Nationalism, Masculinity, and Multicultural Citizenship in Serbia. *Nationalities Papers* 34 (3): 321–341.

- Greenberg, J. 2010. "There's Nothing Anyone Can Do about It": Participation, Apathy and "Successful" Democratic Transition in Postsocialist Serbia. *Slavic Review* 69 (1): 41–64.
- Hoberman, J. 1993. Sport and Ideology in the Post-Communist Age. In *The Changing Politics of Sport*, edited by A. Lincoln, 15–36. Manchester: Manchester University Press.
- Hobsbawm, E. 1992. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hughson, M. 2015. Otkrivanje očiglednog? Zašto je potrebna teorija poluperiferijalnosti? [Discovering the Obvious? Why Do We Need Theory of Semiperipherality?]. In *Kriminal i društvo Srbije: izazovi društvene dezintegracije, društvene regulacije i očuvanja životne sredine* [Crime and Society of Serbia: Challenges of Social Disintegration, Social Energy and Environmental Protection], edited by M. Hughson and Z. Stevanović, 17–34. Beograd: Institut za kriminološka i sociološka istraživanja.
- Jansen, S. 2005. *Antinacionalizam: Etnografija otpora u Beogradu i Zagrebu* [Antinationalism: Ethnography of Resistance in Belgrade and Zagreb]. Beograd: Biblioteka XX vek.
- Kovačić, D. 2016. Nogometni profesionalci u udruženom radu [Football Professionals in Teamwork]. *Časopis za suvremenu povijest* 48 (1): 67–95.
- Malešević, M. 2005. The Introduction of Religion to State Schools in Serbia and "Orthodox(is)ing" the Identity of Serbian Youth. *Ethnologia Balkanica. Journal for Southeast European Anthropology (Sofia, Munich)* 9: 225–239.
- Malešević, M. 2006. Pravoslavlje kao srž "nacionalnog bića" postkomunističke Srbije [Orthodox Christianity as the Gist of "National Essence" of Post-Communist Serbia]. In *Svakodnevna kultura u postsocijalističkom periodu u Srbiji i Bugarskoj* [Everyday Culture in the Post-Socialist Period in Serbia and Bulgaria], edited by Z. Divac, 99–121. Beograd: Etnografski institut SANU.
- Mihailović, S. 1997. Rat je počeo 13. maja 1990 [The War Began on May 13, 1990]. In *Rat je počeo na Maksimiru* [The War Started at Maksimir], edited by S. Slapšak and H. Štajner, 77–124. Beograd: Medija centar.
- Mikuš, M. 2011. "State Pride": Politics of LGBT Rights and Democratisation in "European Serbia". *East European Politics and Societies* 25(4): 704–719.
- Mikuš, M. 2013. "European Serbia" and its "Civil" Discontents: Beyond Liberal Narratives of Modernisation". In *Centre for Southeast European Studies Working Paper Series 7*. Graz: University of Graz.
- Mills, R. 2009. "It All Ended in an Unsporting Way": Serbian Football and the Disintegration of Yugoslavia, 1989–2006. *International Journal of the History of Sport* 26 (9): 1187–1217.
- Mills, R. 2016. Cold War Football: Soviet Defence and Yugoslav Attack following the Tito–Stalin Split of 1948. *Europe — Asia Studies* 68 (10): 1737–1741.
- Nielsen, C.A. 2010. The Goalposts of Transition: Football as a Metaphor for Serbia's Long Journey to the Rule of Law. *Nationalities Papers* 38 (1): 87–103.
- Nielsen, C.A. 2013. Stronger than the State? Football Hooliganism, Political Extremism and the Gay Pride Parades in Serbia. *Sport in Society* 16(8): 1038–1053.
- Pavasovic Trost, T., and N. Kovacevic. 2013. Football, Hooliganism and Nationalism: The Reaction to Serbia's Gay Parade in Reader Commentary Online. *Sport in Society* 16 (8): 1054–1076.
- Riordan, J. 1999. The Impact of Communism on Sport. In *The International Politics of Sport in the 20th Century*, edited by J. Riordan and A. Kruger, 48–66. London; New York: E & FN Spon; Routledge.
- Simić, M. 2014. *Kosmopolitska čežnja: etnografija srpskog postsocijalizma* [Cosmopolitan Longing: Ethnography of Serbian Post-Socialism]. Beograd: Centar za Studije kulture Fakulteta političkih nauka i Čigoja.
- Silber, L., and A. Little. 1996. *The Death of Yugoslavia*. London: Penguin.
- Spasić, I. 2011. Cosmopolitanism as Discourse and Performance: A View from the Semiperiphery. *Revija za sociologiju* 41 (3): 269–290.
- Štiks, I., and S. Horvat. 2015. *Welcome to the Desert of Post-Socialism Radical Politics After Yugoslavia*. London: Verso.
- Vrcan, S. 2003. *Nogomet — politika — nasilje: ogledi iz sociologije nogometa* [Football — Politics — Violence: Views from Sociology of Football]. Zagreb: Naklada Jesenski i Turk.
- Wilson, J. 2006. *Behind the Curtain: Football in Eastern Europe: Travels in Eastern European Football*. London: Orion.
- Wood, S. 2013. Football after Yugoslavia: Conflict, Reconciliation and the Regional Football League Debate. *Sport in Society* 16 (8): 1077–1090.
- Zec, D., and M. Paunović. 2015. Football's Positive Influence on Integration in Diverse Societies: The Case Study of Yugoslavia. *Soccer and Society* 16 (2–3): 236–237.